

Примечание историка

Действие происходит между двумя эпизодами 2-го сезона сериала «Сверхъестественное»: «Блюз на перекрестке» и «Кроатон».

Глава 1

*Фордемский университет, Бронкс, Нью-Йорк
12 ноября 2006 года, воскресенье*

Холодный ноябрьский ветер растрепал волосы Джона Сэдера — видимо, в отсутствие родной матери сама мать-природа напоминала ему о том, что пора подстричься. Эмили Сэдер вернулась в Огайо, где было безопаснее и на десять градусов холоднее, чем здесь, в Бронксе. Если бы она увидела лохматые каштановые волосы сына, то, как всегда, поцокала бы языком и предложила бы позвонить парикмахеру — записаться на стрижку.

Джон мог бы назвать тысячу причин, почему ему нравилось учиться в Фордемском университете, но первой в списке стояло расстояние, отделявшее его от матери.

После длинного рабочего дня в типографии, находившейся на нижнем этаже Центра Мак-Гинли, они вместе с соседом по комнате, Кевином Байером, возвращались в квартиру, которую снимали за пределами кампуса. Оба были редакторами в любительской фордемской газе-

те, выходявшей дважды в неделю, и большую часть этого дня занимались подготовкой очередного номера к печати. Файлы ушли в типографию, и газета выйдет утром во вторник. Очень важно было опередить «Рэм», скучную официальную студенческую газету — ведь декан предоставил им эксклюзивный материал.

Они быстро шагали через кампус, направляясь к тому выходу на Белмонт-авеню, который находился возле корпуса Мемориал-холл. Оттуда оставалось всего несколько кварталов до их крошечной, обшарпанной, захлавленной, но безумно дешевой квартирки на Камбреленг-авеню.

Когда они вышли из кампуса, Джон откинул волосы со лба и сказал:

— Давай-ка поднажмем! Хочу поскорее попасть домой и переодеться к вечеринке.

— Какой вечеринке?

— У Эми, забыл?

Кевин поморщился.

— Чувак, у меня завтра лекция в половине девятого, я не могу.

— Забей, — пожал плечами Джон.

— Не вариант. Доктор Мендес надерет мне задницу. Seriously, она проводит *перекличку*. Я и так из-за работы уже три занятия пропустил. И просто не могу пропустить еще одно.

На перекрестке Белмонт-авеню и Фордем-роуд пришлось подождать, пока загорится зеленый — движение даже в этот поздний воскресный час было оживленным, на красный не перебежишь. До последнего курса Джон жил в кампусе, этаким зеленом оазисе академических знаний в самом центре одного из крупнейших

городов мира. Ладно, не в центре — Бронкс расположен на самом севере Нью-Йорка, чуть выше Манхэттена и Квинса, и только эта часть города находится на материке. До того, как Джон впервые приехал в университет — он тогда был еще старшеклассником, — в его голове между Нью-Йорком и Манхэттеном стоял знак равенства. Он и понятия не имел о существовании других районов и был счастлив оказаться в одном из них, который сам по себе был куда интереснее, чем Кливленд, штат Огайо, целиком. Хотя резкая смена декораций до сих пор вызывала у него нечто вроде головокружения.

Территория университета была сплошь покрыта зеленью — газонами и деревьями — и застроена зданиями, старыми и новыми. Одни относились к девятнадцатому веку, когда университет был основан, другие появились тут в конце двадцатого века — и все это вместе создавало ощущение, что ты попал в один из сонных городков Новой Англии.

Но стоило выйти за кованые ворота, как на тебя обрушивался рев машин и автобусов, несущихся по Фордем-роуд — или ползущих, если это час пик, — шум заправок, забегаловок с фаст-фудом, автомастерских и... людей. В этом районе жили в основном итальянцы, прибывшие сюда в начале двадцатого века, латиноамериканцы, прибывшие в шестидесятых годах, и албанцы, прибывшие в восьмидесятых. Чуть дальше по улице в одну сторону можно было увидеть универмаг «Сирс», торговый центр «Фордем-плаза» и станцию Фордем Северной пригородной железной дороги, в другую — здание Департамента

автомобильного транспорта, зоопарк и ботанический сад. «Маленькая Италия» с ее гастрономами, винными магазинами, ресторанами, пекарнями, магазинами макаронных изделий и уличными ярмарками процветала. Джон в этом семестре набрал два килограмма, просто переехав поближе к любимым канноли¹.

Но, разумеется, поздним воскресным вечером прохожих на улице почти не было, только машины проносились мимо. Загорелся зеленый, Кевин и Джон побежали через дорогу, но едва добрались до середины, как снова замигала красная рука, приказывающая остановиться.

— Зачем ты вообще записался на утреннее занятие в понедельник? — спросил Джон. — Ты же знал, что почти каждое воскресенье будешь работать допоздна.

— По средневековой литературе я мог взять только этот курс. Или пришлось бы брать сразу два семестра по Шекспиру. В следующем полугодии я запишусь на вторую часть большого курса.

Они свернули на Фордем-роуд, чтобы попасть на Камбреленг-авеню.

— А почему ты вообще не перенес средневековую литературу на следующий семестр?

— Доктор Мендес будет в отпуске, и заменять ее будет отец О'Салливан.

Джон, который учился на историка и ничего

¹ Канноли (конноли) — традиционный сицилийский десерт, вафельная хрустящая трубочка с начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов.

не знал об английской кафедре, почесал подбородок — пора было бриться; будь мама здесь, она бы уже вынесла ему мозг — и сказал:

— И что?

Кевин выпучил глаза.

— Да отец О’Салливан преподает тут со времен мрачного средневековья!

— Средневековья.

— А?

— Просто средневековье. Не мрачное, — возразил Джон. — Этот период больше так не называют. Его называют..

— Чувак, в Древнем Риме в домах была канализация. А вот в Священной Римской империи¹ люди мочились из окон. Так что это было *мрачное* средневековье.

Джон стиснул зубы и уже собирался ответить, но Кевин вернулся на один виток назад:

— Богом клянусь, отец О’Салливан получил эту должность в 1946 году!

Они свернули на Камбреленг-авеню.

— Чувак, мой отец родился в сорок шестом, — ответил Кевин.

— Вот и я о том же! Он чертово ископаемое. Ни за что не буду ходить к нему на лекции.

— Как скажешь. — Джона это не очень волновало. — Но на вечеринку ты должен пойти.

— Ну уж нет! Хочу сохранить остатки красоты.

Джон усмехнулся.

— На том свете отоспишься.

¹ Священная Римская империя — государство, существовавшее в период с 962 по 1806 год.

— Да иди ты, чувак!

Еще один порыв ветра, и Джону снова пришлось убирать волосы с лица. Чем дальше они уходили от Фордем-роуд, тем становилось тише — на Камбреленг-авеню были только жилые дома, в основном трехэтажные таунхаусы из красного кирпича с номерами на фасадах, стоявшие в глубине улицы и отделенные от тротуара невысокой железной оградой. Кроме таунхаусов тут были еще многоквартирные пятиэтажки. Выше пяти этажей зданий почти не встречалось, потому что согласно городским законам в таких домах требовалась установка лифта. В большинстве окон свет не горел, и, кроме Джона и Кевина, на улице никого не было.

— Ну а я пойду, — заявил Джон. — Мне-то хватило ума составить нормальное расписание! В понедельник у меня первая лекция только в половине первого. А значит, можно веселиться!

Кевин хмыкнул.

— Чувак, Бритт не бросит Джека ради тебя.

Джон напрягся. Подкатить к Бритт было его основной целью на вечеринке, но он не собирался обсуждать это с соседом и поэтому с деланным безразличием спросил:

— А что, Бритт там будет?

— Даже не пытайся. Ты врешь так же умело, как я катаюсь на сноуборде.

— Но ты не катаешься на сноуборде.

— Вот и я о том же.

Джон едва не ответил: «Как скажешь», но он уже это говорил, а повторяться ему не хотелось. Кевин, может, и был в восторге от этой дурацкой фразы «Вот и я о том же», которую он

употреблял все чертово время, но Джону нравилось быть вербально разнообразным. Редактируя статьи, он в первую очередь убирал именно повторы. Интерес собеседника можно поддерживать, только если говоришь разное, а не используешь одни и те же избитые выражения. Вот почему он не любил всех этих стендап-юмористов. Они придумывают одну коронную фразу, которая становится популярной и все только ее и ждут. А дальше комики не придумывают новые шутки, а просто эксплуатируют удачную фразу в каждом выступлении. И никакое это не развлечение, а подгонка под стандарт.

— Это что еще за хрень?

Кевин на что-то указывал, и Джон, проследив взглядом за его пальцем, увидел перед одним из таунхаусов мусорные баки. И, кажется, в них кто-то рылся.

К сожалению, это не было таким уж необычным зрелищем. В округе было полно бездомных, и они постоянно рылись в урнах, разыскивая банки и бутылки, которые они потом обменивали на продукты в супермаркете.

Но тут фигура подняла голову, и Джон увидел, что это не бездомный. Они оба замерли на месте, когда поняли, что это... обезьяна.

— Бабуин! — воскликнул Джон.

— Чувак, это орангутанг.

Джон нахмурился.

— Ты уверен?

— Однозначно.

Бабуин, орангутанг, или что там это было, посмотрел на них, открыл рот и *зашипел*.

Джон и Кевин одновременно сделали шаг назад.

— Чувак, разве орангутанги шипят? — прошептал Джон.

— Нет. И бабуины тоже нет... А почему мы говорим шепотом?

Джон не успел ответить. Это существо — черт, он будет называть его обезьяной, пока не выяснит, кто это, — схватило мусорный бак и швырнуло на дорогу. Крышки на нем не было, и по дороге разлетелась тухлая еда, пустые упаковки и прочая дребедень.

— У тебя телефон с собой? — спросил Джон. Кевин кивнул.

— Это хорошо, у моего сдохла батарея.

— И куда, черт возьми, я должен звонить? В бюро находок?

Не отрывая взгляда от обезьяны, Джон ответил:

— Нет, тупица, в 911. Звони, пока...

Обезьяна вдруг бросилась на них, визжа так, будто взбесилась. Джон хотел повернуться и побежать, но ноги словно приросли к земле. Но вскоре это уже было неважно, потому что обезьяна могла бы соревноваться с самим Джесси Оуэнсом¹. Она настигла их уже через секунду.

Джон никогда не кричал. Его крик напоминал девчоночий и по закону подлости после ломки голоса стал *еще писклявее*. Поэтому, как бы сильно

¹ Джеймс Кливленд (Джесси) Оуэнс — знаменитый американский легкоатлет, занимавшийся спринтерским бегом и прыжками в длину, четырехкратный олимпийский чемпион и мировой рекордсмен.

ему ни хотелось закричать, он всегда держал рот закрытым, и тогда получалось что-то похожее на гудение. Он считал, что это звучит мужественнее.

Но сейчас, когда обезумевшая обезьяна с дикими воплями набросилась на них и стала лупить своими большими лапами, он завизжал как девчонка.

Последний раз он чувствовал себя так в старшей школе, когда ввязался в ту дурацкую драку с Гарри Маркумом, когда они поспорили, кто пойдет с Джинни Уэйт на выпускной. Самое смешное, что Джинни, конечно же, пошла с лужером Морти Йоханнсенем, поэтому фингал и разбитую губу он получил просто так. Кулаки обезьяны молотили по ним, и больно было везде.

Один удар пришелся Джону в висок, и он увидел звездочки, хотя раньше думал, что так бывает лишь в мультфильмах.

Только почувствовав щекой холодный асфальт, Джон понял, что обезьяна больше его не бьет. Но он по-прежнему слышал крики.

Перевернувшись на бок — и почувствовав острую боль, — он увидел, что обезьяна подняла Кевина и швырнула об забор перед одним из таунхаусов.

Затем он услышал треск.

Он не хотел этому верить. Сначала даже не мог. Этот звук не был похож на хруст ветки, не был похож на треск ломающегося пластика, не был...

Ничего подобного Джон Сэдер никогда в жизни не слышал. И поэтому знал, что Кевин мертв.

— Кевин! Нет!

Он почти не обратил внимания на то, что орангутанг, или бабуин, или *что там это было*, волочилось к нему. Он смотрел на Кевина, который лежал на тротуаре Камбреленг-авеню с естественно вывернутой шеей, и поражался, как это все вообще могло произойти. Этого не могло быть на самом деле! Обезьяны ведь не появляются ни с того ни с сего на улице и не забивают людей до смерти. Это просто невозможно.

Обезьяна набросилась на Джона и начала избивать, но он даже не поднял руку, чтобы защититься — потому что просто не мог в это поверить.

* * *

Тот, второй, умирал целую вечность.

Первый сдался быстро. Но второго, который продолжал что-то бормотать, орангутангу пришлось бить и бить, пока тот наконец не сдался.

Как только второй испустил последний вздох, он в последний раз произнес заклинание и затоптал горящую полынь. На асфальте осталось несколько обгорелых листков, но ветер их унесет. Но даже если их найдут, никто не свяжет это со сбежавшим орангутангом, который до смерти забил двух человек.

Это было неприятно, но что поделаешь — нужно было совершить это сегодня, в последнюю четверть луны. А то, первое нужно было совершить пятого числа, в полнолуние. Тело обнаружили через два дня, быстрее, чем он рассчитывал. Но никто из полиции к нему не пришел — очевидно, его меры предосторожности сработали.

Более того, *это* следовало совершить именно здесь. Ритуал указал второе место сигила¹.

Убедившись, что огонь погас, он вышел из узкого прохода между таунхаусом и многоквартирным домом — люди просто запихивают мусор в темные места, надеясь, что никто этого не заметит. Просто отвратительно! — и вытащил пистолет, заряженный транквилизатором. Прицелился и выстрелил орангутангу в шею.

В следующую секунду животное упало мордой на асфальт. Выбежав на тротуар, рукой в перчатке он вытащил дротик из его тела. Не должно остаться никаких следов его присутствия.

Он повернулся и побежал к своей машине, на ходу доставая одноразовый мобильник, который купил днем в одном из магазинчиков на Артур-авеню. Набрал 911.

— Здесь какой-то дикий зверь! Он напал на двух парней на углу Камбреленг и 188-й! Скорее приезжайте!

Затем выбросил мобильник в металлическую урну на углу 188-й Восточной улицы и сел в машину.

Двое убиты, осталось двое. И я наконец узнаю ответ!

¹ С и г и л — символ (или комбинация нескольких символов), обладающий магической силой. Сигилы широко использовались магами и алхимиками для вызова духа или демона и подчинения их своей воле.

*«Боулз Мотель-энд-Лодж», Саут-Бенд, Индиана
15 ноября 2006 года, среда*

— Худшее в этой работе, Сэмми, — когда заходишь в тупик.

Сэм Винчестер молча согласился со своим братом Дином. Они еще раз напоследок осмотрели номер мотеля и закинули вещи в машину. Отец с детства вбивал им в голову, что перед отъездом нужно как следует осмотреть номер и ни в коем случае не оставлять личных вещей. Нигде и никогда. Особенно если это экзотическое оружие и древние гримуары.

Обычно они хорошо убирали свой номер. Все-го один раз, в Ки-Уэст, Дин оставил возле кровати банку с солью, но тогда он тут же потребовал вернуться за ней. Сэм спросил, почему нельзя просто пойти в супермаркет и купить другую — в конце концов, это же самая обычная вещь, — но Дин утверждал, что тут дело принципа.

Когда администратор мотеля поинтересовался, зачем им в номере понадобилась большая банка соли, Дин широко раскрыл глаза, как делал всегда, когда что-то шло не по плану, и под

насмешливым взглядом Сэма, который даже не пытался скрыть улыбку, полчаса нес какую-то чушь, пока наконец не выдумал что-то о непереносимости лактозы. («Чувак, — сказал Сэм, когда они возвращались к машине с банкой в руках, — ты же знаешь, что соль не имеет *никакого* отношения к непереносимости лактозы, да?») «Спасибо, капитан Очевидность», — сквозь зубы процедил Дин.)

Сегодня они снова освобождают номер и отправляются в путь. Их последнее дело оказалось пустышкой.

— Зато мы увидели Саут-Бенд. Красивый город, — говорил Дин, когда они шли к машине.

— Да, удивительное местечко, — пробормотал Сэм, пока Дин открывал багажник.

— Эй, мы оказываемся там, куда нас приводит работа.

— Или не приводит. Дин, это действительно было самоубийство. Обычное, заурядное самоубийство.

Дин пожал плечами.

— И такое бывает.

Он бросил сумку в багажник, за коробки с оружием и патронами. Сэм поступил так же, пользуясь только левой рукой. Правая до сих пор была в гипсе после того, как ее сломала девушка-зомби в Лоуренсе.

У Сэма, в отличие от Дина, не было такой привязанности к черному «Шевроле Импала» 1967 года — семейной машине, которую отец оставил Дину. Сэму иногда казалось, что сам он к своей последней девушке, Джессике, не был так привязан, как Дин — к «Импале». Когда пару месяцев

назад машина разбилась, Дин восстановил ее почти с нуля. На это ушло несколько недель непосильных трудов.

И все-таки даже Сэму пришлось признать, что огромный багажник очень полезен, ведь они практически жили в машине. Дальнюю часть багажника занимали три сумки: одна — Сэма, другая — Дина и третья — для грязного белья. Последняя уже изрядно раздулась.

— Пора бы заняться стиркой, — сказал Сэм.

— Не здесь, — быстро ответил Дин. — Не думаю, что тот коп был в восторге от первоклассных репортеров Андерсона и Барра. Лучше свалить, пока он не решил прогнать мое лицо через базу.

Сэм кивнул. Дина до сих пор разыскивали за серию убийств в Сент-Луисе, совершенных в начале этого года оборотнем, который принял его обличье. Федералы вряд ли удовлетворятся объяснением: «это сделал мутировавший урод, который выглядел точно так же, как я».

Дин закрыл багажник, и они направились к управляющему мотелем. Как и большинство мест, где останавливались Винчестеры, «Боулз Мотель-энд-Лодж» был невероятно дешев и предоставлял лишь самые необходимые удобства. А им и нужна была только крыша над головой, кровать и работающий душ (с последним везло не всегда), потому что с деньгами была напряженка.

Борьба с демонами, монстрами и прочими тварями, которые пугают людей по ночам, была очень важна, но не оплачивалась. Они жили благодаря махинациям с кредитками и выигрышам Дина в бильярд и покер. А значит, на отель «Хайатт» рассчитывать не приходилось.

Они вошли в облезлый офис с потрескавшимися деревянными панелями на стенах, чудовищно грязным бежевым ковром и обшарпанной стойкой. За стойкой, прямо под красной табличкой «Не курить», дымя сигаретой, сидела пожилая женщина и читала книгу Дэна Брауна. На ее лице было столько косметики, что на хэллоуинской вечеринке она спокойно сошла бы за Джокера, а каждый волос на ее голове был залит лаком — очевидно, в попытке соорудить ретроприческу в стиле 1960-х. Сэм был уверен, что, выстрели он в это сооружение любым оружием из багажника «Импалы», это ему никак не повредит. На груди у женщины висел бейджик, на котором было написано «Моника».

— Доброе утро, мы освобождаем номер, — сказал Дин.

Моника в последний раз затянулась и затушила сигарету в пепельнице.

— Вы Уинвуды¹, верно? — спросила она скрипучим голосом.

Сэм усилием воли заставил себя не закрывать глаза. Хоть бы раз Дин выбрал неприметный псевдоним!

— Верно, — улыбнулся Дин. — И готовы расплатиться.

— О'кей, но есть проблема. Ваша кредитка заблокирована. Нужна другая.

Дин снова широко раскрыл глаза, и Сэм перестал улыбаться.

¹ На этот раз братья Винчестеры выбрали псевдоним по имени рок-музыканта Стива Уинвуда (Steve Winwood).